

П. А. Аваков

«Старший брат» и другие «родственники» Санкт-Петербурга*

В историографии и публицистике неизменно и вполне справедливо подчеркивается уникальность Санкт-Петербурга как города нового типа в России первой четверти XVIII в. Одновременно многие авторы констатируют, что у него были исторические предшественники в том же регионе: древнерусские города Ладога и Новгород, шведские крепости Ландскрона (Ландскруна), Ниеншанц (Нюенсканс). Д. С. Лихачев даже предположил, что «Петр I строил Петербург... взамен Новгорода, с оглядкой на его историческую роль»¹. Безусловно, царь основал свой «парадиз» с оглядкой и на экономическое значение Ниеншанца, переименованного им в Шлотбург, о чем в 1703 г. по горячим следам сообщалось в первой российской газете «Ведомости» под видом новостей из Риги: «Из Нарвы подорожные возвещают, что Его царское величество недалече от Шлотбурга при море город и крепость строить велел, чтоб впредь все товары, которые к Риге, к Нарве и к Шанцу приходили, тамо пристанище имели, так же бы и персические и китайские товары туда же приходили»². Е. В. Анисимов резонно охарактеризовал этот репортаж как целенаправленный информационный вброс, инициированный самим Петром I³.

В последние годы в СМИ и экскурсионной практике наметилась тенденция называть «старшим братом» Санкт-Петербурга город Мурино Ленинградской области и даже город Петровск Саратовской области, но чаще всего — город

* Публикация подготовлена в рамках выполнения государственного задания ЮИЦ РАН на 2025 г. (проект № 125011200150-2). The reported study was funded by government assignment of Southern Scientific Centre of the RAS for 2025 (project no. 125011200150-2).

Таганрог Ростовской области. Неудивительно, что основания для претензии на такую степень родства в условиях столь значительного географического разброса совершенно разные. В случае с Мурино во главу угла поставлен географический фактор: город, возникший как деревня, по крайней мере уже к концу XVII в.⁴, прилегает к Санкт-Петербургу с северо-востока. Петровск же, основанный в 1698 г. на реке Медведице в качестве приграничной крепости, является тезкой города на Неве, с которым его объединяет лишь имя небесного покровителя — святого апостола Петра⁵. С еще более далеким Таганрогом у Петербурга гораздо больше общего, на чем стоит остановиться подробнее.

В научной и краеведческой литературе Таганрог традиционно сопровождают комплементарные характеристики, подчеркивающие его исключительность: «Один из первых городов, строительство которого велось по заранее разработанному плану», «первая модель русского города новой эпохи, в котором своеобразно слились европейские и национальные особенности», «первый российский военный порт», «важнейшая (и единственная в то время) база русского военно-морского флота и крупнейшая крепость на юге Российского государства» и т. д. и т. п.⁶ Но если абстрагироваться от этих эмоциональных пассажей, то придется признать, что история города-крепости на мысе Таган в Петровскую эпоху изучена довольно поверхностно и по-прежнему таит в себе немало загадок. Поэтому нам потребуется новый фактологический материал, чтобы провести параллель между провинциальным Таганрогом и столичным Санкт-Петербургом и определить: есть ли основания для эффектных заявлений о столь близком «родстве» двух городов?

Как известно, место для будущей столицы Российской империи было выбрано в 1703 г. самим царем вскоре после взятия Ниеншанца. Петр I решил, что эта крепость неспособна обеспечить достаточный контроль над устьем Невы. Согласно написанной при участии царя «Гистории Свейской войны», «по взятии Канец» состоялся военный совет, на котором решался вопрос: «...тот ли шанец крепить или иное место удобнее искать (понеже оной мал, далеко от моря, и место не гораздо крепко от натуры)». В результате было «положено искать нового места». Через несколько дней его нашли: на речном острове, «которой назывался Люст Элант (то есть Веселый остров), где в 16 день майя⁷ (в неделю Пятидесятницы) крепость заложена и именована Санкт-Питербурх»⁸. Судя по всему, Петр I обратил внимание на этот остров еще в ходе осады Ниеншанца, когда 28 апреля в сопровождении семи рот гвардейских Преображенского и Семеновского полков «поехал водою в 60 лотках мимо города для осматривания неевского устья и для занятия оного от приходу неприятельского с моря»⁹. О том, что именно он «изволил обыскать» остров, «зело удобной положением», прямо сообщается в одной из поздних редакций походного журнала царя 1703 г., подготовленной в ходе его работы над «Гисторией Свейской войны»¹⁰ (в ее текст это свидетельство не вошло). Запомним, что закладка Санкт-Петербурга состоялась в день Святой Троицы — один из главных христианских праздников.

С выбором места для постройки новой крепости на Азовском море в 1696 г. произошла похожая история. 28–29 июня Петр I предпринял каботажное плавание по Таганрогскому заливу с целью поиска местности, подходящей для основания морского порта и крепости, призванной его защитить¹¹. Государь понимал, что капитулировавшая на днях османская крепость Азов, расположенная в устье Дона, неспособна стать базой регулярного военно-морского флота, создание которого было задумано им в ходе осады. По свидетельству участника событий — генерала Патрика Гордона, в первый же день путешествия внимание царя и его спутников привлекли два мыса на северном берегу залива: Таганрог и другой, лежащий в одной-двух английских милях от него, — вероятно, Петрушина туба (коса). «Осмотрев расположение и удобства обоих мест, — записал П. Гордон в своем дневнике, — большинство [из нас] пришло к мнению, что первое наиболее пригодно: высота, скалистая поверхность, глубина озера (Меотийского, т.е. Азовского моря. — П. А.), пространство для гавани, к тому же ручеек со здоровой водой дают основания для этого». Вечером Петр I и его попутчики вернулись на лодках к Таган-рогу, где простояли на якоре до утра «с весьма посредственным удобством»¹². Впрочем, павший на Таган-рог выбор оказался не окончательным и в последующие два года дважды пересматривался. План постройки на мысу крепости находился в зависимости от проекта основания гавани, реализация которого по ряду объективных и субъективных причин затягивалась¹³.

Лишь 11 октября 1698 г.¹⁴, через шестнадцать дней после приезда Петра I в Москву из Вены, Пушкарский приказ указал «пристань морского коравана... строить в том урочище на Таган-рогу, и для бережения той пристани шанец», чтобы в нем мог зазимовать военный отряд из тысячи человек. Указ был адресован думному дворянину Ивану Ивановичу Щепину — воеводе города-крепости Павловского, основанного в июле 1697 г. на Петрушиной тубе, где едва не началось сооружение порта¹⁵. В октябре павловский воевода построил на Таган-роге полевые укрепления, представлявшие собой три небольших «городка», соединенных линией земляного вала со рвом впереди¹⁶. Именно это событие с подачи краеведа П. П. Филевского (1856–1951) принято трактовать как основание нынешнего города Таганрога¹⁷, хотя для этого вряд ли есть основания. Шанцу, сооружавшемуся для защиты гавани (строительство которой уже в октябре было отменено до новых распоряжений¹⁸), изначально придавался временный характер. Когда в апреле 1699 г. на место И. И. Щепина павловским воеводой был назначен стольник Егор Иванович Янов, он не получил никаких инструкций относительно постройки на Таган-роге «города» — большой стационарной крепости. Данный план к тому времени был отложен, в отличие от строительства «пристани морского карована», о котором не раз упоминалось в воеводском наказе¹⁹.

Дело удалось сдвинуть с мертвой точки лишь в июле 1699 г., когда в связи с подготовкой эскадры Азовского флота к Керченскому походу Петр I прибыл

на Таган-рог. 5 августа российская военно-морская эскадра вышла в море, а 31-го числа вернулась назад из Керчи²⁰. В экстракте из походного журнала вице-адмирала Корнелиуса Крюйса, участника плавания, зафиксировано: «В 1 день сентября, яко в день здешняго новаго году, освящена первая росийская церковь на Таганроге...»²¹ Речь идет о деревянном храме во имя Живоначальной Троицы, ставшем собором одновременно заложенного на мысе нового города-крепости, получившего от него название. Однако строительство самой церкви началось не в Троицын день, приходившийся в 1699 г. на 28 мая, а в июле²².

Поразительно: ни в поденном «юрнале», который вели подьячие из свиты царя, ни в его собственных письмах, дошедших до нас, ничего не сообщается о развернувшемся в то время на мысе фортификационном строительстве. Тем более в названных источниках умалчивается о присутствии при этом самого Петра I. Зато в составленном в 1701 г. в Разрядном приказе для Ближней канцелярии «сметном списке» о подведомственных городах содержится такое лапидарное свидетельство: «Город Троецкой зачат строить в 208-м году сентября в 1 день²³ в урочище на Таган-рогу, и ныне строят...»²⁴ Об участии в закладке Троицкого царя известно из переведенного с нидерландского языка объяснения к не сохранившемуся проектному плану этого города-крепости: «Исправной чертеж и розмер строению нового города, что на Таган-рогу на Азовском море, строят тут же пристанище карабельное, на котором великий государь царь 28-го числа июля сам изволил указать и розмерять, и для того я дале 1-го числа сентября нынешнего году, в пребывании при великом государе, зачал с молебным пением тот чертеж или размер; я, униженны[й] слуга Рейнгольт Трузин»²⁵. Из этого уникального документа также следует, что роль Петра I в основании Таганрогской гавани была несколько шире, чем принято считать, и не сводилась лишь к поискам подходящего для нее места в 1696 г. Вероятно, желая окончательно убедиться в правильности сделанного тогда выбора, государь лично провел замеры в акватории гавани 28 июля 1699 г., когда наконец началось ее строительство.

Как ни странно, но процитированный выше текст экспликации плана, впервые опубликованный А. А. Пушкаренко еще в 1971 г.²⁶, до сих пор не привлекал внимания исследователей в контексте определения возраста нынешнего города Таганрога и обстоятельств его рождения. Наверняка таганрожцам интересно будет узнать, что первый город на мысе Таган был основан Петром I в буквальном смысле, ведь он не только нашел для него место, но и непосредственно участвовал в проектировании и церемонии закладки Троицкого — пусть даже это и произошло годом позже постройки на мысу шанца, впоследствии разрушенного. Тем временем историки до сих пор спорят, где находился царь в день основания Санкт-Петербурга²⁷. Логика развития событий и некоторые косвенные источники позволяют сделать не бесспорный вывод о том, что он присутствовал при закладке крепости, но прямых данных об этом, увы, нет.

Благодаря свидетельству прусского инженера Рейнгольда Трозьена, по плану которого все последующие годы строился Троицкий²⁸, мы знаем, что ритуал его закладки соответствовал принятым тогда в России градостроительным традициям византийского происхождения, зафиксированным в некоторых церковных требниках²⁹. Судя по всему, город-крепость сразу получил свое название, но это распоряжение не было зарегистрировано письменно — так же как устный царский указ о его постройке.

При основании Санкт-Петербурга русская градостроительная традиция была нарушена. Как известно, освящение и наречение крепости на Неве произошло не в день ее закладки, а 45 дней спустя — 29 июня, в день святых апостолов Петра и Павла, когда государь праздновал свое тезоименитство. Тогда же в его присутствии там была заложена деревянная Петропавловская церковь (осветили ее лишь в апреле 1704 г.). П. А. Кротов объясняет столь запоздалое присвоение Санкт-Петербургу имени амбициями царя, уже тогда желавшего «превратить подвластное ему государство в великую державу — Всероссийскую империю» и стремившегося провести параллель между «рождавшимся городом» и Римом, столицей величайшей империи античности, христианским покровителем которой считался святой Петр³⁰. Но нельзя исключать, что монарх всего-навсего не хотел повторяться и иметь на берегах Невы еще один «город Троицкий», а также воспользовался возможностью увековечить свое имя — вне зависимости от «символики культуры барокко». Уместно вспомнить, что первой крепостью, названной в честь небесного патрона Петра I в его правление, стал «город Петровский» — форт, основанный в июле 1697 г. напротив Азова, на правом берегу Дона. Это произошло хоть и в отсутствие государя, но через несколько дней после его именин³¹.

Троицкий и Санкт-Петербург объединяет еще одно немаловажное обстоятельство внешнеполитического характера: обе крепости основали на территории, формально входившей на тот момент в состав других государств — соответственно Османской империи и Шведского королевства.

Конечно, Троицкий не стал, да и не мог стать (хотя бы в силу географической удаленности) для царя «парадизом» — любимым «райским уголком», где воплотились многие его юношеские мечты о море и новых порядках. Но по мере развертывания и увеличения масштабов строительных работ в Санкт-Петербурге интерес Петра I к городу на берегу Азовского моря не утихал. В самые критические моменты Северной войны (на ее первом этапе) государь проявлял исключительное внимание к Троицкому и его нуждам³², а весной 1709 г., накануне Полтавского сражения, даже совершил инспекционную поездку в Северо-Восточное Приазовье — в последний раз в своей жизни³³. Об увиденном на Таган-роге царь 4 мая с удовлетворением писал князю А. Д. Меншикову: «...сие место, которое пред десяти летями пустое поле видели (чему сами сведомы), ныне, с помощью Божиею, изрядной город купно з гаваном обрели (и хотя где долга хозяин не был и не все исправно, однакож есть что смотреть)»³⁴.

Создание Балтийского флота и близость Санкт-Петербурга к экономически развитым северо-западным и центральным уездам России сделали свое дело: он стремительно обогнал в своем демографическом развитии Троицкий. По подсчетам Е. А. Андреевой, к 1712 г. в городе, за девять лет выросшем в дельте Невы вокруг крепости, было построено около 4 тыс. дворов. В Троицком же в середине 1711 г., на двенадцатом году его существования, имелось 1357 дворов, в том числе 162 внутри крепостной ограды и 1195 в пригородных слободах³⁵.

Поначалу мысль о потере города на Таган-роге была немыслима для царя. Когда в 1702–1704 гг. правительство Османской империи, справедливо обеспокоенное активизацией военного строительства на южных рубежах России, стало требовать от Петра I разрушить пограничную крепость Каменный Затон и уничтожить Азовский флот, государь готов был пойти на некоторые уступки, но в вопросе о Троицком категорически не допускал никаких компромиссов. В инструкции, направленной 2 декабря 1704 г. главой российского внешнеполитического ведомства графом Ф. А. Головиным аккредитованному при османском дворе послу П. А. Толстому, последнему предписывалось заверить Порту, что «сея крепости испражнение царское величество никогда чинити не будет»³⁶.

В это же время Петр I, завоевавший Ингерманландию и к концу 1704 г. добившийся тех целей, ради которых он вступил в Северную войну, искал возможности заключить мирный договор со шведским королем Карлом XII. Допуская вариант «обмена территориями» со Швецией, он предусмотрел возврат ей Дерпта, Нарвы и даже передачу Пскова — одного из древнейших русских городов, упоминавшегося в царском титуле, но только не уступку Санкт-Петербурга. По этому поводу в начале 1707 г. государь писал: «А о Питербурхе всеми мерами искать удержат за что-нибудь, а отдачи оного ниже в мысли иметь» (т. е. не иметь)³⁷.

Разразившаяся в ноябре 1710 г. новая русско-турецкая война показала, какое из двух любимых детищ являлось для Петра I самым дорогим. Оказавшись в июле 1711 г. во главе российской армии в стратегическом окружении на берегах реки Прут в Молдавии, царь вынужден был заключить с султаном Ахмедом III мирный договор, одним из условий которого было уничтожение Троицкого. Разрушение его укреплений завершилось 1 февраля 1712 г., а до этого из города были эвакуированы все население, имущество и артиллерийское вооружение³⁸. Масштабы этих беспрецедентных работ поразили инспектировавшего их османского чиновника Иваз-пашу. Вернувшись в июне из Азова в Константинополь, на приеме у великого везира Аги Юсуф-паши он «сказывал о Таганьроге, какая превеликая крепость была, и сколь много людей при строении ее пропало, и какое великое иждивение стало»³⁹.

Таким образом, судьба Троицкого (и всего Северо-Восточного Приазовья) была решена Петром I по принципу выбора наименьшего из двух зол, о чем он прямо писал 19 сентября 1711 г. графу Ф. М. Апраксину⁴⁰. Ценой потери целого региона царю все же удалось обеспечить относительное спокойствие на южных

рубежах России и сосредоточить все силы в шведской Померании, завоевание которой, как он тогда надеялся, приближало конец длившейся уже двенадцатый год Северной войны⁴¹. Ее завершение, в свою очередь, сулило окончательное закрепление в составе России Санкт-Петербурга и всей Ингерманландии.

И последнее. Как показал П. А. Кротов, Петр I впервые назвал Санкт-Петербург столицей в письме А. Д. Меншикову от 28 сентября 1704 г. — примерно за десять лет до обретения городом такой функции. Но еще в июне 1703 г. российский посол в Речи Посполитой князь Г. Ф. Долгоруков, получив письма Ф. А. Головина от 7 мая, сообщил приехавшим в Люблин английскому и нидерландскому послам новость о взятии Ниеншанца, где царь «еще может заложить и свою монаршескую резиденцию»⁴². Но Ниеншанц — не Петербург, а резиденция монарха — не всегда столица государства (иначе таковыми пришлось бы считать целый ряд подмосковных сел). В любом случае, о Троицком подобных мыслей государь на бумаге никогда не выражал, как и его сподвижники и современники. Несмотря на это, спустя столетие в российской интеллектуальной среде сформировался культурно-исторический миф о том, что Петр I, любивший Таганрог (т. е. Троицкий), «видимо, не меньше Санкт-Петербурга», якобы намеревался сделать его столицей России⁴³. Разумеется, данное мнение лишено какой бы то ни было реальной подоплеки.

Как ни парадоксально, но у истоков этого мифа стоит Екатерина II, последовательно культивировавшая в воображении подданных отношение к себе как к продолжательнице Петра I⁴⁴. 3 марта 1771 г. она, путаясь в исторических фактах, писала Вольтеру: «Петр Великий, взяв Азов, захотел устроить порт на море и выбрал Таганрог. Порт был выстроен. Затем он колебался, построить Петербург ли на Балтийском море, или сделать город из Таганрога. Наконец, обстоятельства заставили его выбрать Балтийское море. Мы не выиграли относительно климата: там почти нет зимы, между тем как наша слишком длинная»⁴⁵. Возрожденная императрицей из руин в 1769 г. крепость на Таганроге в новых условиях вскоре потеряла свое прежнее военно-стратегическое значение, оказалась в тылу и перестала быть базой военно-морского флота. В результате указом от 10 февраля 1784 г. Екатерина II превратила Таганрог в купеческий город⁴⁶, в то время как Санкт-Петербург уже около 70 лет являлся блистательной столицей Российской империи.

Итак, Троицкий и Санкт-Петербург были построены для того, чтобы сыграть роль, для которой не подошли только что отобранные у военного противника крепости — османский Азов и шведский Ниеншанц. При этом Троицкий в 1696 г. задумывался как военно-морская база, компенсирующая стоящий на реке Азов, а Петербург должен был заменить Ниеншанц и изначально не имел отношения к флоту, которого Россия в 1703 г. на Балтийском море еще не имела. Троицкий действительно был первой российской бастионной крепостью, построенной в царствование Петра I по регулярному плану, что называется, с нуля, и к тому же на берегу моря. Как и Петербург, Троицкий являлся

пограничным форпостом, и место для его строительства тоже выбрал сам царь. Возникновение обеих крепостей связано с Троицыным днем. Но на этом сходство двух «братьев» заканчивается.

Исторические судьбы Троицкого и Санкт-Петербурга совершенно разнятся. В 1711 г. Петру I пришлось принести в жертву «старшего брата» ради процветания младшего, поскольку к тому времени балтийские планы стали для царя важнее черноморских. Словно в отместку за это провинциальный Таганрог, спустя 58 лет возрожденный Екатериной II на месте Троицкого, позже стал одним из элементов «антипетербургского мифа» в качестве мнимой альтернативы «блестящей ошибке Петра Великого»⁴⁷. В наши дни фантастический мотив несостоявшейся столицы является предметом особой гордости патриотов города, где умер император Александр I и родился А. П. Чехов, и продолжает вдохновлять экскурсоводов, журналистов и даже некоторых историков⁴⁸.

¹ Лихачев Д. С. Раздумья о России. СПб., 1999. С. 538.

² Ведомости. 1703. 24 августа. С. 3 об.

³ Анисимов Е. В. Петербург времен Петра Великого. М.; СПб., 2008. С. 81.

⁴ Серебрякова Н. Я. Мурино: хроника трех столетий. 3-е изд., доп. СПб., 2012. С. 13–15; Bagrow L., Köhlin H. Maps of the Neva River and Adjacent Areas in Swedish Archives. Malmö, 1953. (Anecdota cartographica. [Vol.] III). № IV:2; № XIV:1; Карта бывших губерний Ивангорода, Яма, Капорья и Нэтеборга, составленная по масштабу 1/210 000 1827-го года под присмотром генерал-майора Шуберта, Генерального штаба штабс-капитаном Бергенгеймом 1-м, из материалов, найденных в шведских архивах, показывающая разделение и состояние одного края в 1676 году. СПб., 1827; Карты и планы Невы и Ниеншанца, собранные А. И. Гиппингом и А. А. Куником / с предварит. заметкой А. С. Лаппо-Данилевского. СПб., 1913. № 2.

⁵ Максимов Е. К., Мезин С. А. Города Саратовского Поволжья петровского времени. СПб., 2010. С. 112–122; Старший брат Санкт-Петербурга // Наука и жизнь. 1998. № 6. С. 2 обложки и с. 91.

⁶ [Пушкаренко А. А.] Страж морских рубежей // Бодик Л. А., Гришков Я. Г., Пушкаренко А. А., Тоценко Л. Т. Таганрог: Историко-краеведческий очерк. Ростов н/Д., 1971. С. 11; Михайлова М. Б., Решетников В. К. О градостроительной истории Таганрога (конец XVII — начало XX в.) // Архитектурное наследие. Т. 36. М., 1988. С. 206; Павленко И. Е. Таганрог — первый российский военный порт // Наука и жизнь. 2005. № 9. С. 70; Кузьменко Н. Н. Гарнизон Троицкой крепости в Таганроге // Энциклопедия Таганрога. Изд. 2-е, перераб. и доп. Ростов н/Д., 2003. С. 36, 41; Трубникова Е. В., Цимбал А. А. Таганрог как старейший историко-культурный центр Юга России // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2016. № 2. С. 130–135.

⁷ Здесь и далее все даты по юлианскому календарю (старому стилю).

⁸ История Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова; ред. А. А. Преображенского. Вып. 1. М., 2004. С. 234.

⁹ Там же. С. 230.

¹⁰ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 9. Оп. 2. Кн. 26. Л. 19 об. — 20. Ср. с последующим вариантом, содержащим стилистическую правку: Там же. Оп. 6. Д. 103. Л. 18.

- ¹¹ Аваков П. А. «Азовский проект» Петра I: Северо-Восточное Приазовье во внешней и внутренней политике России конца XVII — начала XVIII века. СПб., 2022. С. 230–232.
- ¹² Гордон П. Дневник: 1696–1698 / Пер., ст., примеч. Д. Г. Федосова. М., 2009. С. 49.
- ¹³ Подробнее см.: Аваков П. А. Основание Таганрогской гавани: от идеи к воплощению // Вопросы истории естествознания и техники. 2016. Т. 37. № 2. С. 300–302.
- ¹⁴ В литературе повсеместно фигурирует ошибочная дата этого распоряжения — 12 сентября, попавшая даже в Устав муниципального образования «город Таганрог», принятый в 2011 г. (ст. 2, п. 3). Обнаруженный автором этих строк оригинал грамоты, полученный адресатом 2 октября 1698 г., не оставляет поводов для сомнений.
- ¹⁵ Богословский М. М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. Л., 1941. С. 578; Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее — Архив СПбИИ РАН). Ф. 105. Оп. 1. Д. 21. Л. 40, 41; Письма императора Петра Великого к брату своему царю Иоанну Алексеевичу и патриарху Адриану с ответами на оныя и на отзывы боярина и воеводы Алексея Семеновича Шеина, князя Бориса Александровича Голицына, и боярина и воеводы Бориса Петровича Шереметева. СПб., 1788. С. 74–75.
- ¹⁶ Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 21. Л. 77 — 77 об., 146, 147; Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 г.) / Пер. и примеч. А. И. Малейна. СПб., 1906. Изобр. 8.
- ¹⁷ Филевский П. П. История города Таганрога. М., 1898. С. 49–50; [Пушкаренко А. А.] Страж морских рубежей. С. 10.
- ¹⁸ «И ныне мы, великий государь, той корабельной пристани у Таган-рогу до нашего великого государя указу строить не указали, а шанец в том месте делать ныне что мочно, хотя б зимовать пятистам человеком...» — гласила грамота Пушкарского приказа от 22 октября 1698 г. (Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 21. Л. 145).
- ¹⁹ Российский государственный архив Военно-Морского флота (далее — РГА ВМФ). Ф. 177. Оп. 1. Д. 4. Л. 626 — 637 об.
- ²⁰ Аваков П. А. «Азовский проект» Петра I. С. 304, 306–308.
- ²¹ РГА ВМФ. Ф. 223. Оп. 1. Д. 4. Л. 21 об. Опубл.: Первый поход на Азовское море, 1699 года: по журналу вице-адмирала Крюйса // Записки Гидрографического департамента Морского министерства, издаваемые с высочайшего разрешения. Ч. 8. СПб., 1850. С. 394.
- ²² РГА ВМФ. Ф. 177. Оп. 1. Д. 89. Ч. 2. Л. 904; Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Оsn. собр. рукоп. кн. Q.XVII.46. Л. 36 об.; Архив СПбИИ РАН. Ф. 105. Оп. 1. Д. 32. Л. 102, 167–169.
- ²³ 1 сентября 7208 г. от сотворения мира — это 1 сентября 1699 г. от Рождества Христова.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 396. Оп. 3. Д. 24. Л. 302.
- ²⁵ РГА ВМФ. Ф. 176. Оп. 1. Д. 27. Л. 405.
- ²⁶ [Пушкаренко А. А.] Страж морских рубежей. С. 12.
- ²⁷ Последний по времени и наиболее подробный разбор мнений историков по данному вопросу см.: Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года: Пролог основания Санкт-Петербурга. СПб., 2011. С. 154–167.
- ²⁸ Подробнее см.: Аваков П. А. Город Троицкий на Таган-роге: Каким был облик первой военно-морской базы России? // Родина. 2015. № 8. С. 99.
- ²⁹ Алферова Г. В. Русские города XVI–XVII веков. М., 1989. С. 56–62.
- ³⁰ Анисимов Е. В. Петербург времен Петра Великого. С. 38–39, 42; Кротов П. А. Осударева дорога 1702 года. С. 184–185; Походный журнал 1704 года / [Ред., примеч. А. Ф. Бычкова]. 2-е изд. СПб., 1911. С. 18.
- ³¹ Отдел рукописей Библиотеки российской академии наук (далее — ОР БАН). Оsn. собр. № 32.6.24. Л. [78]; Гордон П. Дневник: 1696–1698. С. 92–93; Письма императора Петра Великого. С. 74; Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию. С. 290; изобр. 5.
- ³² Аваков П. А. «Азовский проект» Петра I. С. 391.
- ³³ Там же. С. 403–408, 484–485; Петрухинцев Н. Н. Вниз по Дону на бригантине: Петр перед Полтавой // Родина. 2009. № 7. С. 4–7.

- ³⁴ Письма и бумаги императора Петра Великого (далее — ПиБ) / Ред. Б. Б. Кафенгауз. Т. IX. Вып. 1. М.; Л., 1950. С. 168.
- ³⁵ Андреева Е. А. Начало строительства Петербурга: обеспечение работными и мастеровыми людьми в 1703–1712 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 84; РГА ВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 31. Л. 262–263; [Пушкаренко А. А.] Страж морских рубежей. С. 15.
- ³⁶ Аваков П. А. «Азовский проект» Петра I. С. 461–463; ПиБ / Ред. А. Ф. Бычков. Т. III. СПб., 1893. С. 722.
- ³⁷ Аваков П. А. «Азовский проект» Петра I. С. 364–365; Анисимов Е. В. Война и мир Петра Великого // Вестник МГИМО-Университета. 2021. № 14 (6). С. 16; ПиБ / Ред. И. А. Бычков. Т. V. СПб., 1907. С. 61.
- ³⁸ ПиБ / Ред. Б. Б. Кафенгауз, А. И. Андреев, Л. А. Никифоров. Т. XI. Вып. 1. М., 1962. С. 322–324; Аваков П. А. «Азовский проект» Петра I. С. 536–537, 539–540.
- ³⁹ Базарова Т. А. Русские дипломаты при Османском дворе: Статейные списки П. П. Шафирова и М. Б. Шереметева 1711 и 1712 гг.: (Исследование и тексты). СПб., 2016. С. 526.
- ⁴⁰ ПиБ / Ред. Б. Б. Кафенгауз, А. И. Андреев, Л. А. Никифоров. Т. XI. Вып. 2. М., 1964. С. 137.
- ⁴¹ ПиБ. Т. XI. Вып. 2. С. 11, 12, 16.
- ⁴² ПиБ. Т. III. С. 162; Там же / Ред. А. Ф. Бычков. Т. II. СПб., 1889. С. 540–543; Кротов П. А. 19 мая 1714 года: Загадка даты обретения Санкт-Петербургом официального статуса столицы России // Родина. 2012. № 7. С. 4–7. П. А. Кротов ошибочно отнес общение Г. Ф. Долгорукова с иностранными дипломатами к 7 мая 1703 г., хотя оно состоялось после 12 июня, о чем князь писал Ф. А. Головину 27 июня. Следовательно, нет надежных оснований полагать, что Петр I задумал перенести столицу государства в устье Невы до основания Санкт-Петербурга.
- ⁴³ Нольде Б. Э. История формирования Российской империи. СПб., 2013. С. 401. Ср.: «Новой столицей государства суждено было стать не Азову или Таганрогу, а С.-Петербургу» — в результате переориентации внешнеполитического курса Петра I в 1700 г. (Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. 4 // Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. 4. М., 1989. С. 47).
- ⁴⁴ О реальном и мнимом продолжении Екатериной II внешнеполитической линии Петра I в направлении южных морей см.: Аваков П. А. Наследие Петра I в политике Екатерины II в Приазовье-Причерноморье // «PETRO primo CATHARINA secunda»: Два монарха, две эпохи — преемственность, развитие, реформы: Материалы VIII Международного петровского конгресса, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2016 года. СПб., 2017. С. 456–472.
- ⁴⁵ Вольтер и Екатерина II / Изд. В. В. Чуйко. СПб., 1882. С. 114.
- ⁴⁶ Петров А. Н. Война России с Турцией и польскими конфедератами с 1769–1774 год. Т. I. СПб., 1866. С. 296–297; Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. XXII. СПб., 1830. С. 22.
- ⁴⁷ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Петр Великий: Pro et contra: Личность и деяния Петра I в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология. [2-е изд.] СПб., 2003. С. 152.
- ⁴⁸ См., например: Дегоев В. В. Большой Юг в политике и дипломатии Петра I. М., 2023. С. 7, 54.

References

Avakov, P. A. "Azovskii proekt" Petra I: Severo-Vostochnoe Priazov'e vo vneshnei i vnutrennei politike Rossii kontsa XVII — nachala XVIII veka [The Azov Project of Peter the Great: Northeastern Sea of Azov Region in Russia's Foreign and Domestic Politics in the Late 17th and Early 18th Centuries. In Russ.]. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya, 2022. 800 p.

Avakov, P. A. Gorod Troitskii na Tagan-roge: Kakim byl oblik pervoi voenno-morskoï bazy Rossii? [Town Troitsky on Tagan-Rog: What was the Appearance of Russia's First Naval Base? In Russ.]. In *Rodina*. 2015. No. 8, pp. 98–101.

Avakov, P. A. Nasledie Petra I v politike Ekateriny II v Priazov'e — Prichernomor'e [Heritage of Peter the Great in Catherine II Policy in the Sea of Azov and Black Sea Regions. In Russ.]. In *"PETRO primo CATHARINA secunda": Dva monarkha, dve epokhi — preemstvennost', razvitie, reformy: Materialy VIII Mezhdunarodnogo petrovskogo kongressa, Sankt-Peterburg, 10–11 iyunya 2016 goda*. St. Petersburg, Evropeiskii dom, 2017. P. 456–472.

Avakov, P. A. Osnovanie Taganrogskoï gavanî: ot idei k voploshcheniyu [The Foundation of the Taganrog Harbor: from the Idea to its Implementation. In Russ.]. In *Voprosy istorii estestvoznaniya i tekhniki*. 2016. Vol. 37. No. 2, pp. 298–311.

Alferova, G. V. *Russkie goroda XVI–XVII vekov* [Russian Towns of the 16th–17th Centuries. In Russ.]. Moscow, Stroizdat, 1989. 214 p.

Andreeva, E. A. *Nachalo stroitel'stva Peterburga: obespechenie rabotnymi i masterovymi lyud'mi v 1703–1712 gg.* [The Beginning of the Construction of St. Petersburg: Providing of Workers and Artisans in 1703–1712. In Russ.]: dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2006. 371 p.

Anisimov, E. V. Voina i mir Petra Velikogo [War and Peace of Peter the Great. In Russ.]. In *Vestnik MGIMO-Universiteta*. 2021. No. 14 (6), pp. 7–29. DOI: 10.24833/2071-8160-2021-6-81-7-29

Anisimov, E. V. *Peterburg vremen Petra Velikogo* [St. Petersburg During the Time of Peter the Great. In Russ.]. Moscow, Tsentrpoligraf; St. Petersburg, MiM-Del'ta, 2008. 430 p.

Bazarova, T. A. Petr Velikii i Nienshants [Peter the Great and Nyenschanz. In Russ.]. In *Petr I u istokov Rossiiskoi imperii: Materialy Malogo Severnogo Petrovskogo kongressa, Arkhangel'sk, 20–23 aprelya 2022 g.* Arkhangel'sk, 2022. P. 27–39.

Bazarova, T. A. *Russkie diplomaty pri Osmanskom dvore: Stateinye spiski P. P. Shafirova i M. B. Sheremeteva 1711 i 1712 gg.: (Issledovanie i teksty)* [Russian Diplomats at the Ottoman Court: Ambassadorial Reports of Pyotr Shafirov and Mikhail Sheremetev in 1711 and 1712 (Research and Texts). In Russ.]. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya, 2016. 863 p.

Bogoslovskii, M. M. *Petr I: Materialy dlya biografii* [Peter I: Data to the Biography. In Russ.]. Vol. 2. Leningrad, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1941. 624 p.

Degoëv, V. V. *Bol'shoy Yug v politike i diplomatii Petra I* [The Great South in the Politics and Diplomacy of Peter the Great. In Russ.]. Moscow, Aspekt Press, 2023. 408 p.

Krotov, P. A. 19 maya 1714 goda: Zagadka daty obreteniya Sankt-Peterburgom ofitsial'nogo statusa stolitsy Rossii [May 19, 1714: The Mystery of the Date St. Petersburg Acquired the Official Status of the Capital of Russia. In Russ.]. In *Rodina*. 2012. No. 7, pp. 4–7.

Krotov, P. A. *Osudareva doroga 1702 goda: Prolog osnovaniya Sankt-Peterburga* [Tsar's Road of 1702: Prologue to St. Petersburg's Foundation. In Russ.]. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya, 2011. 312 p.

Kuz'menko, N. N. Garnizon Troitskoï kreposti v Taganroge [Garrison of the Trinity Fortress in Taganrog. In Russ.]. In *Enciklopediya Taganroga*. Izd. 2-e. Rostov-on-Don, Rostizdat, 2003. P. 36–41.

Likhachev, D. S. *Razdum'ya o Rossii* [Thoughts about Russia. In Russ.]. St. Petersburg, Logos, 1999. 672 p.

Maksimov, E. K., Mezin, S. A. *Goroda Saratovskogo Povolzh'ya petrovskogo vremeni* [Cities of the Saratov Volga Region During Peter's Time. In Russ.]. St. Petersburg, Evropeiskii dom, 2010. 178 p.

Mikhailova, M. B., Reshetnikov, V. K. O gradostroitel'noi istorii Taganroga (konets XVII — nachalo XX v.) [About the History of Town Planning of Taganrog (late 17th — early 20th Century). In Russ.]. In *Arkhitekturnoe nasledstvo*. 1988. Vol. 36, pp. 203–218.

Pavlenko, I. E. *Taganrog — pervyi rossiiskii voennyi port* [The Taganrog is a First Russian Military Port. In Russ.]. In *Nauka i zhizn'*. 2005. No. 9, pp. 70–74.

Petrukhintsev, N. N. Vniz po Donu na brigantine: Petr pered Poltavoi [Down the Don on the Brigantine: Peter before Poltava. In Russ.]. In *Rodina*. 2009. No. 7, pp. 4–7.

Pushkarenko, A. A. Strazh morskikh rubezhei [Guardian of the Sea Borders. In Russ.]. In Bodik, L. A., Grishkov, Ya. G., Pushkarenko, A. A., Totenko, L. T. *Taganrog: Istoriko-kraevedcheskii ocherk*. Rostov-on-Don, Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1971. P. 5–29.

Serebryakova, N. Ya. *Murino: khronika trekh stoletii* [Murino: A Chronicle of Three Centuries. In Russ.]. 3rd ed. St. Petersburg, Beresta, 2012. 496 p.

Trubnikova, E. V., TSimbal, A. A. Taganrog kak stareishii istoriko-kul'turnyi tsentr Yuga Rossii [Taganrog as the Oldest Historical and Cultural Center of the South of Russia. In Russ.]. In *Vestnik Taganrogskego instituta upravleniya i ekonomiki*. 2016. No. 2, pp. 130–135.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

П. А. Аваков. «Старший брат» и другие «родственники» Санкт-Петербурга // Петербургский исторический журнал. 2025. № 2. С. 43–54

Аннотация: В историографии неизменно подчеркивается уникальность Санкт-Петербурга как города нового типа, ставшего символом имперской России. Многие авторы констатируют, что у него были исторические предшественники в том же регионе. В последние годы наметилась тенденция считать «старшим братом» Петербурга Таганрог, на месте которого в 1699 г. был заложен город-крепость Троицкий. На первый взгляд, для этого есть все основания. Троицкий действительно стал первым портовым городом, построенным в царствование Петра I на берегу моря по регулярному плану в качестве базы военно-морского флота. Как и Петербург, Троицкий являлся пограничным форпостом, и место для его строительства тоже выбрал сам царь. Однако исторические судьбы двух городов кардинально различаются, а обстоятельства их основания таят в себе загадки. В 1711 г. Петру I пришлось принести «старшего брата» в жертву ради процветания младшего, поскольку к тому времени балтийские планы стали для царя важнее черноморских. Возрожденная Екатериной II в 1769 г. крепость на Таган-роге через 15 лет потеряла свое прежнее военно-стратегическое значение и превратилась в торговый город. Позже Таганрог стал одним из элементов «антипетербургского мифа».

Ключевые слова: Санкт-Петербург, Таганрог, Петр I, антипетербургский миф.

FOR CITATION

P. A. Avakov. The Elder Brother and Other Relatives of St. Petersburg // Petersburg Historical Journal, no. 2, 2025, pp. 43–54

Abstract: Historiography has invariably placed significant emphasis on the distinctiveness of St. Petersburg as a city of a new type, which subsequently became synonymous with imperial Russia. Numerous scholars posit that the city had historical antecedents in the same geographical region. In recent years, however, a tendency has emerged to consider Taganrog, on the site of which the fortified town Troitsky (Holy Trinity's Town) was founded in 1699, to be the elder brother of St. Petersburg. On initial consideration, there is ample evidence to support this assertion. Troitsky's establishment as the inaugural port city during the reign of Peter the Great, situated on a seashore and following a structured plan for a naval base, substantiates this assertion. Both cities' origins as border outposts, as well as the location of their construction, being chosen by the Tsar himself, are further similarities. Nevertheless, the historical trajectories of the two cities diverge radically, and the circumstances surrounding their establishment are shrouded in mystery. In 1711, Peter the Great had to sacrifice the elder brother for the sake of the younger brother's prosperity, since by that time the Baltic plans had become more important for the Tsar than the Black Sea ones. The fortress on Cape Tagan (Tagan Rog), which was revived by Catherine II in 1769, subsequently lost its former military-strategic significance and was transformed into a trading city. Consequently, Taganrog became one of the elements of the anti-Petersburg myth.

Key words: St. Petersburg, Taganrog, Peter the Great, anti-Petersburg myth.

Автор: **Аваков, Петр Ашотович** — к. и. н., ведущий научный сотрудник Федерального исследовательского центра Южного научного центра РАН (Ростов-на-Дону, Россия).

Author: **Avakov, Pyotr Ashotovich** — Candidate in History, Leading Researcher Associate of the Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Rostov-on-Don, Russia).

E-mail: pavakov@mail.ru

ORCID: 0000-0001-9051-5611